

DOI 10.15826/izv2.2024.26.4.061
УДК 821.161.1-344 Пришвин +
+ 821.161.1-311.3:639.1 + 165

Е. А. Худенко
*Алтайский государственный
педагогический университет*
Барнаул, Россия

**МОТИВ ОХОТЫ В «МИСТИЧЕСКИХ» РАССКАЗАХ
М. М. ПРИШВИНА 1900-х гг. И РОМАНЕ «КАЩЕЕВА ЦЕПЬ»:
ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Статья посвящена рассмотрению одного из структурообразующих мотивов творчества М. М. Пришвина — мотива охоты. На материале ранних «мистических» рассказов писателя 1900-х гг. («Крутоярский зверь», «Птичье кладбище», «Бабья лужа») с помощью мотивного и типологического подходов анализируются два типа персонажей — удачливых охотников и непутевых охотников. Во всех трех произведениях Пришвиным реализуется одна и та же типологическая схема: неудачная охота — обретение — потеря. Цель работы — показать, что функционирование мотива охоты в пришвинских текстах основано на онтологическом мотиве: охота осмысливается как путь «добывания» и познания истины (в платоновском ключе), неудачная охота — как потеря целостных (родственных) связей человека с миром. Кроме того, Пришвин разворачивает охоту не только как гносеологическое, но и любовное действо, тесно связывая сюжеты о неудачливых охотниках с любовными линиями в повествовании. «Проигранная» писателем в раннем творчестве сюжетная схема возвращается и обрастает новыми смыслами в автобиографическом романе «Кашеева цепь». Охотничий мотив реализуется в главах «Гусек», «Брачный полет», «Живая ночь». Глава о неудачной охоте связана с воспоминаниями мальчика Курымушки, комплекс охотника-неудачника реализуется в любовном сюжете об Инне Ростовцевой, а затем преодолевается через ощущение сотворческих связей с миром, превращаясь в литературную охоту за сюжетами — «охоту за счастьем». В итоговой части статьи делается вывод о жизнестроительной и литературоцентричной природе мотива охоты в творческом наследии писателя.

Ключевые слова: Пришвин; мотив охоты; цикл; «мистические» рассказы; роман; «Кашеева цепь»; гносеология

Цитирование: *Худенко Е. А.* Мотив охоты в «мистических» рассказах М. М. Пришвина 1900-х гг. и романе «Кашеева цепь»: гносеологический аспект // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 26, № 4. С. 91–100. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.4.061>

*Поступила в редакцию: 13.12.2023
Принята к печати: 05.11.2024*

Elena A. Khudenko*Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russia***MOTIF OF HUNTING IN M. M. PRISHVIN'S "MYSTICAL" STORIES
OF THE 1900s AND THE NOVEL *THE CHAIN OF KASHCHEY*:
EPISTEMOLOGICAL ASPECT**

This article considers one of the structure-forming motifs of M. M. Prishvin's work, i.e. the motif of hunting. A close examination of the material from the early "mystical" stories of the 1900s (*The Beast of Krutoyarsk*, *Bird Cemetery*, and *Woman's Puddle*) reveals the presence of two distinct types of characters, as analysed through the lenses of motif and typology approaches. These characters are categorised as "successful hunters" and "unlucky hunters". In all the three works, Prishvin implements the same typological scheme: unsuccessful hunt – acquisition – loss. The aim of this paper is to show that the functioning of the hunting motif in Prishvin's texts is based on an ontological motif: hunting is conceptualised as a way of "getting" and learning the truth (through a Platonic perspective), while unsuccessful hunting is viewed as the loss of man's integral (kinship) ties with the world. Moreover, Prishvin unfolds hunting not only as an epistemological but also as a love act, closely linking the plots of unsuccessful hunters with the love lines in the narrative. The plot scheme "lost" by the writer in his early work returns and acquires new meanings in the autobiographical novel *The Chain of Kashchey*. The hunting motif is realised in the chapters *Gusek*, *Marital Flight*, and *Living Night*. The chapter about the unsuccessful hunt is connected with the memories of the boy Kuryumushka; the unlucky hunter complex is realised in the love story about Inna Rostovtseva, and then overcome through the feeling of co-creative connections with the world, turning into a literary hunt for plots – "the hunt for happiness". The final part of the article draws a conclusion about the life-building and literary-centric nature of the hunting motif in the creative heritage of the writer.

Key words: Prishvin; motif of hunting; cycle; "mystical" stories; novel; *The Chain of Kashchey*; epistemology

For citation: Khudenko, E. A. (2024). Motiv okhoty v "misticheskikh" rasskazakh M. M. Prishvina 1900-kh gg. i romane "Kashcheeva tsep": gnoseologicheskii aspekt [Motif of Hunting in M. M. Prishvin's "Mystical" Stories of the 1900s and the Novel *The Chain of Kashchey*: Epistemological Aspect]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 26(4), 91–100. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.4.061>

*Submitted: 13.12.2023**Accepted: 05.11.2024*

Изучение пришвинского наследия в год 150-летнего юбилея писателя прирастает всё более глубокими смыслами и демонстрирует новые подходы, особенно в связи с окончанием публикации основной книги жизни художника – восемнадцатитомного дневника. Обращение к достаточно обширно исследованному в литературоведении мотиву – мотиву охоты – позволяет не только еще

раз включить имя М. М. Пришвина в контекст традиций русской классической литературы XIX в. и рубежа веков [Дворцова, 1994], но и проследить его уникальные находки в процессе поисков необычного языка и новых идей для своих произведений, начавшиеся с самых ранних рассказов 1900-х гг. и закончившиеся в 1953 г. дописыванием автобиографического романа «Кашеева цепь», созданного тридцатью годами ранее.

Рассказы М. М. Пришвина начала 1900-х гг. помещены в четвертый том шеститомного собрания сочинений, составлявшегося при жизни писателя, под единым названием «Старые рассказы» [Пришвин, 1957]. В цикл «Старые рассказы» включены три текста — «Крутоярский зверь» (1908), «Птичье кладбище» (1908) и рассказ «Бабья лужа» (1909). Они были созданы в период богоискательства и общения с кругом Д. С. Мережковского.

В советском пришвиноведении смысловое поле «богоискательских» рассказов объявлялось не вполне ясным, с «модернистской символикой ужасов» и «нарочитым сгущением красок» [Ершов]. Краеведы тульской земли указывают на реальную основу этих рассказов: Пришвин любил приезжать в Белево, на родину матери, охотиться там и общаться с людьми. Очевидно, «Пришвин переработал одну из легенд об основании Белева. Предание рассказывало, что на месте основания древнего города жил страшный зверь — “бе лев”, которого боялись жители. Правда, около реального Белева никакого значительного водоема, который мог бы послужить прототипом озера Крутоярского, нет. Возможно, Пришвин слышал какие-то рассказы от старожилов о необычайных обитателях белевских водоемов, но никаких реальных доказательств обитания где-то в указанном районе неизвестных науке существ не было и нет» [Старцева, с. 82]. Исследователь Н. П. Дворцова причисляет эти рассказы к «ремизовскому циклу» Пришвина [Дворцова, 2004, с. 50], так как содержательно-диалогически и в стилевом плане они связаны с ремизовской повестью «Крестовые сестры». З. Я. Холодова подчеркивает, что в обращении Пришвина к сказочно-фольклорному и притчевому началу этих текстов реализуется одна из доминант художественного мышления писателя — «восприятие им мира как сказки» [Холодова, с. 80], где «мистическое», очевидно, открывает непознанные еще тайны жизни и должно пониматься как один из уровней реальности, реальности «в высшем смысле» (Ф. М. Достоевский).

А. В. Святославский указывает, что рассказы создавались по следам «хождения в народ». «Поэтика их отмечена причудливым опоэтизированным видением мира с явными посылами в область устного народного творчества и ощутимыми результатами увлечения Пришвиным народной речью, проявляющей себя в тексте в виде прямой речи героев и отчасти в сказовом стиле повествования» [Святославский, с. 38].

В дневнике 1920 г. Пришвин замечает, что именно «сказочные рассказы “Крутоярский зверь” и “Птичье кладбище”, написанные по впечатлению от летней охоты в Брыни, впустили... в область искусства, художественные журналы раскрылись...» [Пришвин, 1995, с. 158]. Известно, что в творческие планы

Пришвина 1910-х гг. входило создание единой книги сказок: «...том сказок: весенние, летние, осенние, зимние. Летняя: “Бабья лужа”, осенняя: “Птичье кладбище”» [Пришвин, 1995, с. 164]. «Птичье кладбище» также должно было стать «книгой земли русских сказок...» [Там же, с. 151].

Функционирование одного из ведущих для пришвинского творчества мотивов — мотива охоты — именно в ранних, так называемых «мистических» рассказах писателя становится сюжетообразующим для всего последующего творчества, причем не только в области текста искусства, но и текста собственной жизни. Заметим, что в данном случае речь идет не об охоте как одном из основных увлечений писателя, задавшем его «тележно-этнографический» путь в литературу, а об охоте как игровом действии, моделирующем прежде всего жизнетворческие оппозиции палач / жертва, охотник / добыча, победитель / побежденный, часто наполненные мифологическими смыслами.

Все три рассказа — это повествование о сильной страсти, понятой через мотивы охоты и родства, человеческого и звериного. Главные герои рассказов (Павел Верхне-Бродский, Принц, о. Петр) умирают или «замирают» (засыпают) вследствие своей страсти к охоте, приводящей их к *пределу* жизни. Во всех рассказах лейтмотив охоты сопровождается мотивом удачи / неудачи, а также мотивом подмены (кражи).

Пришвин создает в каждом из рассказов два типа охотников — удачливых и непутевых. К первому типу принадлежат образы охотников-мужиков Тимофея («Крутоярский зверь») и Степана («Птичье кладбище»). Тимофей готовится к обряду охоты серьезно и обстоятельно. Главное для него — найти спокойствие в своей душе, избавиться от «бабьей журбы». Полное «вхождение» в процесс охоты передается автором через прием зеркального отражения охотника и его добычи: седая борода Тимофея похожа на бороду занесенного снегом глухаря. Самое важное дело своей жизни Тимофей объясняет по-народному просто: «Охота... потому охота, что охота, и больше ничего» [Пришвин, 1957, с. 74]. Его правда — это правда «естественного» человека, связанного с природой родственными узами. Тимофей не видит алогичности в своих рассуждениях о том, что земля круглой сделана для кабанов, потому как «по круглому кабанам ходить лучше», что «лапы у орлов — медвежьи». Не случайно именно Тимофей добывает для хозяина самого нужного зверя в охоте — собаку Ладугу, случайно оставшуюся после утопления всего породистого помета.

К типу неудачливых, непутевых охотников принадлежат образы Павлика Верхне-Бродского («Крутоярский зверь») и Принца («Птичье кладбище»). Каждый из персонажей страдает из-за нереализованной мечты: Павлик желает иметь настоящую охотничью собаку, объясняя ее отсутствием свои охотничьи промахи. Принц, охотник жадный, желает заполучить всю птицу, огромную стаю белых гусей, прилетающих на Крутоярское озеро, но не может подстрелить даже одного гусака. Маргинальное положение занимает в цикле фигура о. Петра, который из неудачливого охотника становится удачливым и находит свою гибель от свалившейся на него удачи в болоте — Бабьей луже.

Неосуществление охотничьих планов во всех трех рассказах становится символом возмездия за неправильно понятую жизнь. Образ Павлика, всеми любимого барина, живущего как «птушечка», вбирает в себя гончаровские традиции изображения русского барства, однако новый Обломов начала XX в. потерял ощущение равновесия мира: «Павлик любит видеть хорошее, а плохое — бог с ним» [Пришвин, 1957, с. 71], окружающие воспринимают его как «чудака», «дурачка», он прячется от реального мира в свои фантазии так же, как прячется в кровать-шкаф, когда приезжает становой. В этом счастливом неведении о горестях мира Павлик пребывает до тех пор, пока не обретает охотничью собаку Ладу, преднамеренно выкрадывая ее у оценившейся породистой собаки вице-губернатора. Именно Лада впервые дает почувствовать герою поэтическую прелесть охоты: она «повела» (выделено — М. П.), «за ней ползли на животах Павлик, Тимофей, а за ними все черные пни, все зеленые папоротники, Иваны и Марьи, волчьи ягоды и пташки с былинками» [Там же, с. 80].

Превращаясь из непутевого охотника в удачливого, Павлик не готов потерять найденное счастье, и внезапное исчезновение Лады приводит его в состояние безумия. Лада, влекомая инстинктом пола, приводит к барскому дому огромную «собачью свадьбу» и совершается возмездие: Павлик должен ответить за потерю единственности собственного выбора в любви, так как «многие, очень многие женщины в домиках на зеленых улицах любили Павлика, и все такие же напудренные, как Полюша» [Там же, с. 66]. В рассказе очевидна параллель: Павлик с «другими Полюшами» и Лада с «собачьей свадьбой». Собачья свора губит Павлика, набрасываясь на него, ибо это лицо зверя с «телячьими губами»¹.

Примечательно, что однотипность построения мотива охоты во всех трех рассказах (неудача — обретение желаемого — потеря) так или иначе воспроизводит онтологические смыслы охотничьего действия, о которых писал еще Платон. А. Ф. Лосев в «Истории античной эстетики» указывает, что платоновские смыслы охотничьего действия сопровождают сам процесс диалектического мышления философа. В диалоге «Федр» упоминаются такие сочетания, как «гоняется за истиной», «путь к истине», «нужно идти по соответствующим следам», «диалектику как раз и упустили». Это — термины охоты» [Лосев, с. 299]. Собственно, само слово «метод» у Платона А. Ф. Лосев определяет как «охоту». Говоря о диалоге Платона «Государство», современный философ пишет, что можно толковать «“охотничьим” образом даже все те места из этого диалога, где не говорится прямо об охоте, но говорится о преследовании, исследовании, стремлении, домогательстве, уловлении, овладении и т. д.» [Там же, с. 300]. Таким образом, онтологическая сущность охотничьего действия имеет гносеологическое

¹ Пришвин, несомненно, обращается в этом образе к знаменитой повести А. К. Толстого «Упырь» (1841), где главный герой носит фамилию Теляев. Очевидно также сходство этих «мистических» рассказов Пришвина с «Русалочьими сказками» А. Н. Толстого, созданными в эти же годы.

основание, а также является моделью любого поединка — погони за истиной, смыслом, сюжетом или женщиной.

Та же структура мотива охоты развивается в несколько другом варианте во втором рассказе цикла «Птичье кладбище». Принцу никак не удается подстрелить дикого гуся, так как у него отсутствует понимание сущности охоты, ее свободы и доступности для всех. Автор окарικатурирует образ героя, неудачливого охотника, сравнивая его в финале с «холостым непутевым гусаком». Принц «попортил» дочку Макарихи, и наутро «все звали ее Принцессою. Мясник, богач и скряга, что питался одной печенкой и селезенкой и за это прозванный Иродом, один ничего об этом не знал и вдруг посватался. Так пришлось выдать Макарихе любимую дочку за Ирода, старого вдовца» [Пришвин, 1957, с. 108–109]. Описание свадьбы в рассказе напоминает «гусиное царство»: гости пляшут гусака, кричат на разные голоса, писарь Степан Муравейник назван «краснобородым».

Случайность произошедшего в любовном сюжете имеет для автора решающий нравственный смысл: герой-охотник наказан за эту случайность и не реализует свою охотничью мечту. Во время охоты на гусей Принц идет не той дорогой, «кружит» на одном месте. Взамен страстной мечты о крупном диком гусе Принц удостаивается лишь ощищенного стаей гусака. Гусак убит мудрыми законами самой природы, наказывающей за «неслыханное в “гусином царстве”», где живут все вечными парами: «Один холостой непутевый гусак подобрался к гусыне и, пользуясь сном царя, стал отвешивать гусиные поклоны <...>

— Кев! — крикнул гусиный царь.

— Кого? — ответили гуси.

Скоро ощищенный непутевый гусак лежал на спине, зобом вверх и часто-часто дрыгал лапками» [Там же, с. 107–108].

Таким образом, в обоих текстах мотив *неудачной охоты* превращается в мотив *несостоявшегося человека* — человека, нарушающего равновесие мира своим отношением к великому делу любви как забаве. В любовных линиях обоих рассказов «добыча»-женщина достается случайно, незаслуженно, не становится единственной — за это герой наказан или смертью, или непониманием истинной картины мира. Неспособность героев к настоящему глубокому чувству приводит их к катастрофе: Павлика настигает «собачья свадьба», Принц засыпает рядом с мертвым ощищенным стаей гусаком, о. Петр, гонимый испуганным коровьим стадом, тонет в болоте. Неудачная (незаконченная) охота выступает прежде всего символом ложного познания и нарушения родственных связей с миром.

Кроме философских смыслов, необходимо учитывать мифологическую природу мотива охоты. Во всех трех текстах действуют герои-священники, а повествование частично реализует известный миф о проклятом охотнике. Образ проклятого охотника, аббата или священника, прервавшего службу ради охоты на пробегающего мимо зверя, встречается в огромном количестве средневековых притч и легенд (например, в балладе Готфрида Бюргера «Дикий охотник», 1786). «В наказание за содеянное охотник был обречен на вечную погоню — приговорен бесплодно метаться по полям вслед за своими лающими

псами, никогда не достигая добычи» [цит. по: Керлот, с. 375]. Такая трактовка напрямую отражает явление «замкнутого круга» — когда герои-охотники теряют понимание сути событий, происходящих с ними. Не случайно в каждом из рассказов так или иначе выражена идея «блуждания» через фигуру круга: в «Крутоярском звере» — через символику озера, в «Птичьим кладбище» — островок, на который прилетают птицы, в «Бабьей луже» через второе слово в названии.

Рассказ «Бабья лужа» предлагает интерпретацию мифа о проклятом охотнике в необычной форме. Отец Петр предстает здесь охотником за грибами. Эта страсть к «тихой охоте» была дана ему во спасение от пьянства, но то, что было дано во спасение, превратилось в погибель. Грибная охота-страсть осмысливается Пришвиным в мифологическом ключе — как *искушение* дьявола².

Демонические элементы присутствуют во всех рассказах цикла и чаще всего связаны с образом собаки как инвариантом волка. Не случайно Павлику кажутся песьи морды похожими на волчьи, а вокруг него стояли «черные спины и спины» [Пришвин, 1957, с. 93], а бурый песик в «Бабьей луже» появляется перед домом о. Петра с переломанным хвостом и одним живым глазом. Собака — одна из главных составляющих процесса охоты — тесно связана в библейской и литературной традициях с воплощением дьявола. Апостол Петр в Послании к Филиппийцам произносит: «Берегитесь псов, берегитесь злых делателей» (Флп. 3:2), подразумевая лженосителей веры или предателей; Мефистофель в «Фаусте» Гете появляется в образе пуделя, и эти примеры можно продолжать.

Помимо дьявольской силы или как одержимость ею, собака символизирует также проблему выбора для человека (охотника), так как в античной мифологии собака считалась посвященной богине перекрестков Гекате — одному из ликов богини охоты Дианы. В энциклопедии «Мифы народов мира» А. А. Тахо-Годи указывает: «Гекату можно считать ночным коррелятом Артемиды; она тоже охотница, которую сопровождает свора собак, но ее охота — это мрачная, ночная охота среди мертвецов, могил и призраков преисподней» [Тахо-Годи]. Однако для Пришвина эти дьявольские элементы мотива охоты несут земной, общечеловеческий смысл: охота как страсть означает некое превышение *меры*, выход жизни *за* пределы и, следовательно, нарушение ее телеологичности.

Таким образом, уже в раннем творчестве Пришвина мотив охоты входит в сюжетное ядро текстов как гносеологический элемент писательских поисков истинного счастья и истинного слова, связанных не только с познанием природных связей человека с миром, но и связей родственно-любовных.

---

² Миф об искушении засемантизирован и в народных представлениях о грибах, связанных с мужским и женским началами. Грибы как универсальный классификатор и медиатор связаны со всеми тремя элементами известного комплекса «смерть — плодородие — жизнь». Как указывает В. Н. Топоров, с помощью семантики грибов / грибницы четко формируются оппозиции природа — культура, свой — чужой, профанический — сакральный, женский — мужской, здешний (земной) — нездешний (подземный, небесный) и т. п. [Топоров, с. 234].

Более сложная «завязь» между мотивом охоты на зверя и охотой как любовным поединком развивается в автобиографическом романе Пришвина «Кашеева цепь» [Худенко, с. 89–90].

В первой части романа, в главе «Гусек» воссоздается биографическая сцена из детства — охота мальчика с Гуськом на перепелов, оставившая в душе маленького Курьмушки чувство особой таинственной связи со всей природой. Важно, что Гусек хотел поймать белого перепела — свою мечту, но это ему так и не удалось.

Дальнейший поиск оставленного в детстве ощущения цельности жизни ведется автобиографическим героем через чувство любви к женщине — Инне Ростовцевой. Создается отражающая мотив первой охоты структура «обретения — потери», только теперь эта тема повторяется в пространстве *любвонной охоты*.

Глава «Брачный полет» не случайно строится на орнитологической метафоре, напоминая о детском впечатлении от первой охоты. Исчезновение невесты, Инны Ростовцевой, одновременно отсылает читателя к двум темам, уже «проигранным» в ранних рассказах Пришвина — теме утраты и теме подмены (кражи). Настоящая Инна Ростовцева исчезает, а остается другая Инна — чужая Инна Петровна: «Алпатов понял, что Инны было две: одна, которую он любит, настоящая Инна, другая Инна Петровна» [Пришвин, 1956, с. 243].

Борьба героя за «настоящую Инну» транслирует сцену охоты на белого перепела — это охота за мечтой, которая никогда не осуществится. Инвариантность этих сцен подтверждается выразительной деталью: Инна оставляет в гостинице белую кружевную шаль — своеобразные силки, в которые Алпатов мог бы «поймать» невесту, но не поймал. В этом контексте мотив несостоявшейся любви по семантическому наполнению приравнивается к мотиву *несостоявшейся охоты*: Алпатов, как и герои рассмотренных ранее рассказов, теряет смысл существования и целостность связи с миром. Неудавшаяся охота ведет к *утрате* определяющего, главного качества того или иного персонажа: Алпатов утрачивает силу (волю) преодолеть «прозу жизни».

Наконец, в главе «Живая ночь» создается великолепная сцена тока тетеревов: два самца борются за самку, а в это время третий — Черныш — незаметно уводит предмет раздора. Сцена боя тетеревов за свою Прекрасную Даму убеждает Алпатова в возможности воплотить идеал в действительность: «они бьются за Прекрасную Даму... В бою за недостижимое, вечное — готовы найти свой конец» [Там же, с. 517]. Мотив утраты постепенно переходит в мотив восстановления цельности жизни: через осознание творческих сил природы герой восполняет внутреннюю пустоту сначала вниманием к природному миру, а затем — живописью словом, которую называет «охотой за счастьем».

Динамика мотива охоты в романном повествовании заключается в том, что герой постепенно приходит к преодолению комплекса «жертвы» жизни и становится ее победителем («удачливым охотником»), что позволяет трактовать дописанные Пришвиным в начале 1950-х гг. главы о своей концепции «искусства

как образа творческого поведения» как органичное завершение пути персонажа-писателя. Следовательно, не событие утраты возлюбленной становится причиной пробуждения творческого дара (позднее Пришвин отметит, что это был лишь «повод к полету»), а событие восстановления полученного через первую охоту ощущения родственного внимания ко всему бытию.

Таким образом, мотив охоты по характеру сюжетных вариаций, длительности писательского внимания к нему и наполненности философскими, мифологическими, сокровенными смыслами является одним из доминантных в картине мира писателя, он обладает литературоцентричной природой, превращая писательский житнетворческий проект в один из успешных в советской литературе.

Источники

Пришвин М. М. Кащеева цепь // Пришвин М. М. Собр. соч. : в 6 т. Т. 1 : Кащеева цепь. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1956. С. 18–562.

Пришвин М. М. Старые рассказы // Пришвин М. М. Собр. соч. : в 6 т. Т. 4 : Мои тетрадки. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1957. С. 63–125.

Пришвин М. М. Дневники, 1920–1922. М. : Моск. рабочий, 1995. Кн. 3.

Исследования

Дворцова Н. П. Путь творчества Пришвина и русская литература начала XX века : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. М., 1994.

Дворцова Н. П. Экстерриториальный писатель. О литературной репутации Михаила Пришвина // Вопросы литературы. 2004. № 1. С. 49–69.

Ершов Г. А. Пришвин. Жизнь и творчество. М. : Сов. писатель, 1973.

Керлот Х. Э. Словарь символов. М. : RAFL-book, 1994.

Лосев А. Ф. Охота как символ платоновского учения об идеях // Лосев А. Ф. История античной эстетики: Высокая классика М. : АСТ, 2000. С. 295–312.

Святославский А. В. Художественный текст Михаила Пришвина: лингвостилистический аспект. М. : МПГУ, 2019.

Старцева Н. М. Белевские страницы прозы М. М. Пришвина // I Милоновские краеведческие чтения : сб. науч. тр. / под общ. ред. Н. А. Красовской, Е. Л. Райхлиной, Д. А. Романова. Тула : ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2019. С. 81–83.

Тахо-Годи А. А. Геката // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. Т. 1. М. : Сов. энциклопедия, 1987. С. 269–270.

Топоров В. Н. Семантика мифологических представлений о грибах // Balcanica. Лингвистические исследования / отв. ред. канд. филол. наук Т. В. Цивьян. М. : Наука, 1979. С. 234–245.

Холодова З. Я. Художественное мышление М. М. Пришвина: фольклорный аспект // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 6. С. 79–83.

Худенко Е. А. Житнетворческие стратегии в автобиографической прозе 1940-х гг. (М. Зоценко, М. Пришвин) // Сибирский филологический журнал. 2010. № 4. С. 84–91.

References

Cirlot, J. E. (1994). *Slovar' simvolov* [Dictionary of Symbols]. Moscow: RAFL-book.

Dvortsova, N. P. (1994). *Put' tvorchestva Prishvina i russkaia literatura nachala XX veka* [Prishvin's Creative Path and Russian Literature of the Early 20th Century] (habilitation dissertation). M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Dvortsova, N. P. (2004). Eksterritorial'nyi pisatel'. O literaturnoi reputatsii Mikhaila Prishvina [Extraterritorial Writer. On the Literary Reputation of Mikhail Prishvin]. *Voprosy literatury*, 1, 49–69.

Ershov, G. A. (1973). *Prishvin. Zhizn' i tvorchestvo* [Prishvin. Life and Creative Work]. Moscow: Sovetskii pisatel'.

Kholodova, Z. I. (2016). Khudozhestvennoe myshlenie M. M. Prishvina: fol'klornyi aspekt [M. M. Prishvin's Artistic Thinking: Folklore Aspect]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 6, 79–83.

Khudenko, E. A. (2010). Zhiznetvorcheskie strategii v avtobiograficheskoi proze 1940-kh gg. (M. Zoshchenko, M. Prishvin) [Life-creating Strategies in the Autobiographical Prose of the 1940s (M. Zoshchenko, M. Prishvin)]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 4, 84–91.

Losev, A. F. (2000). Okhota kak simvol platonovskogo ucheniia ob ideiakh [Hunting as a Symbol of Plato's Doctrine of Ideas]. In A. F. Losev, *Istoriia antichnoi estetiki: Vysokaia klassika* [History of Ancient Aesthetics: High Classics] (pp. 295–312). Moscow: AST.

Startseva, N. M. (2019). Belevskie stranitsy prozy M. M. Prishvina [Belevsky Pages of M. M. Prishvin's Prose]. In N. A. Krasovskaya, E. L. Raikhlina, & D. A. Romanov (Eds.), *I Milonovskie kraevedcheskie chteniia: sbornik nauchnykh trudov* [I Milonovsky Local History Readings. Collection of Scholarly Papers] (pp. 81–83). Tula: L. N. Tolstoy Tula State Pedagogical University.

Svyatoslavsky, A. V. (2019). *Khudozhestvennyi tekst Mikhaila Prishvina: lingvostilisticheskii aspekt* [Mikhail Prishvin's Artistic Text: The Linguostylistic Aspect]. Moscow: Moscow Pedagogical State University.

Takho-Godi, A. A. (2008). Gekata [Hecate]. In S. A. Tokarev (Ed.), *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World] (2nd ed.; Vol. 1, pp. 269–270). Moscow: Sovetskaia entsiklopediia.

Toporov, V. N. (1979). Semantika mifologicheskikh predstavlenii o gribakh [Semantics of Mythological Ideas about Mushrooms]. In T. V. Tsiv'yan (Ed.), *Balcanica. Lingvisticheskie issledovaniia* [Balcanica. Linguistic Studies] (pp. 234–245). Moscow: Nauka.

Худенко Елена Анатольевна
доктор филологических наук,
зав. кафедрой литературы
Алтайский государственный
педагогический университет
656031, Барнаул, ул. Молодежная, 55
E-mail: helenahudenko@mail.ru

Khudenko, Elena Anatolyevna
Dr. Hab. (Philology),
Head of the Department of Literature
Altai State Pedagogical University
55, Molodezhnaya St., 656031 Barnaul, Russia
Email: helenahudenko@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4193-5032>
Scopus AuthorID: 57197808619
WoS ResearcherID: AAL-1236-2021